

ЧЕМ БЛИЖЕ придвигалась юбилейная дата Юрия Александровича Завадского — девяностолетие со дня рождения, тем настойчивее преследовала меня мысль: артистизм — вот понятие, на мой взгляд, наиболее емко и точно определяющее суть личности и творчества.

Иной раз чуть ли не похвалой в адрес того или иного режиссера, актера звучат слова: дескать, он вовсе не похож на артиста. Завадский таких ассоциаций не мог вызвать. С первого взгляда каждому становилось ясно, что перед ним — человек искусства, более того, человек театра. Он был артистичен, как принято говорить, до мозга костей, до кончиков пальцев — и, хочется добавить, до остро отточенных многочисленных разноцветных карандашей, с которыми не расставался. Когда Завадский, сидя за режиссерским столиком в темном зале, следил за ходом репетиций, казалось, два художественных мира возникают одновременно, дополняя друг друга: один на сцене — в контурах будущего спектакля, другой на листках бумаги — в сериях рисунков, эскизов, непрерывно набрасываемых режиссером. И оба мира неизменно отличались оригинальностью, изяществом. Разве Завадский позволил бы себе выйти к зрителям после спектакля небрежно одетым, не праздничным, не торжественным? Он слишком уважал и зрителей, и искусство, которое представлял, чтобы поступить так. И поэтому всегда был элегантен, подтянут, красив, памятуя о мечте Чехова, что в человеке все должно быть прекрасно — мысли, поступки, внешность, одежда.

С полным основанием, не боясь упреков в прославлении эстетизма, можно назвать Завадского-режиссера истовым и последовательным поклонником красоты. Солидаризируясь со своим учителем Станиславским, он полагал, что на сцене нет места ни для «маленькой внешней правды, которая приводит к натурализму», ни для «искаленной» правды, перерождающейся в «условную театральную правду, с которой мириться, но которой не верить...» Цель искусства — создание «красивой художественной правды». При этом понятия правды и красоты неотрывны друг от друга, ибо «естественная красота» — это «сама природа». Ее не следует придумывать, изобретать: надо лишь «уметь переносить красоту на сцену из жизни и природы так, чтоб не потерять и не изуродовать ее...».

Артистизм творчества Завадского был обусловлен прежде всего редкой способностью извлекать красоту и поэзию из глубин действительности, из духовных основ существования современника. Это и позволило П. А. Маркову назвать своего близкого друга «одним из самых «светлых» советских режиссеров», а также заметить, что его спектакли «представляют собой не слепки с жизни, но выражение мироздания режиссера, его отношения к жизни».

Истоки артистизма Завадского — в лучших традициях русской культуры. Конечно, он был верным, благодарным учеником и самые большие и важные главы своей книги «Учителя и ученики» посвятил Е. Б. Вахтангову и К. С. Станиславскому. Но в предисловии он справедливо заметил, что искусство — это непрестанное

ученичество, и число учителей не ограничивается кругом лиц, у которых непосредственно ты привимаешь эстафету. Сила зрелого искусства Завадского-режиссера во многом объяснялась тем, что он сумел еще в юные годы выпить и преломить в своем искусстве опыт русской литературы, в особенности поэзии, русской живописи, и русской музыки двадцатого века. Синтетическое восприятие искусства сцены, своеобразие собственного художественного дарования — сначала актер, художник, затем режиссер — делали его особенно чутким к достижениям всех видов творчества. В его спектаклях получили развитие мотивы русской поэзии — от Пушкина и Лермонтова до Блока и Цветаевой. В многокрасочной театральной палитре режиссера словно оживали сти-

провил Завадский, ставя сам комедийные произведения отечественных и зарубежных авторов — от социальных комедий Островского до пьес-шутток Мюссе, разнообразнейших в своих жанровых оттенках пьес Шекспира, Бен Джонсона, Гольдони.

Вспоминается зрительный зал на спектакле «Трактирщица» в годы войны. Волна бурных, очищающих эмоций обрушивалась на присутствующих — все бунтовало в этой работе театра против мракобесия, все отстаивало победу света над тьмой. Пользуясь простонародным лукавством и природной естественностью, Мирандолина — Марецкая одерживала верх над знатными поклонниками и осуществляла нечто большее — с неистощимой энергией, неотразимым обаянием демонстриро-

вый балаган», что подчеркивало близость реального и фантастического, трагического и фарсового в самом романе. Именно эту свою работу Завадский посвятил Вахтангову, вспомнив о его трагикомическом гротеске. Не отчаяние и безнадежность, а конечная вера в добро, в животворящее чувство любви явилась ведущей темой спектакля. От совершенного преступления к покаянию, от яростного мщения всем и каждому, эгоистической убежденности в праве на избранность к ощущению своей душевной солидарности с другими людьми — такой путь проходил Раскольников. Завадский воспринял Достоевского через его речь о Пушкине, обратив особое внимание на ту ее часть, где говорится: «И никогда еще ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединился так задумчиво и родственно с народом своим, как Пушкин». Намерение как можно сильнее передать призыв Достоевского «к воссоединению людей», к «высшей гармонии духа», донести мужество его выстраданной веры в будущее человечества заставило постановщика выступить непосредственным участником сценического действия: он сам начинал спектакль, вводя в свой замысел, сам произносил текст эпилога.

В последние годы Юрий Александрович Завадский с особым трепетом и нежностью увлекся поэзией Пушкина. Он выступил с несколькими пушкинскими программами по радио: читал стихотворения, «Графа Нулина», главы из «Евгения Онегина». Он подчеркивал, что Пушкин первым сформулировал законы русской реалистической театральной школы, предварив тем самым становление системы Станиславского. Читал он Пушкина легко, изящно, артистично, донося до слушателей как соразмерность, гармонию, завершенность мыслей поэта, так и музыку, ритм его стиха.

Режиссерские искания Завадского были всегда неотрывны от достижений его старших учеников-соратников — В. Марецкого, Н. Мордвинова, Р. Плятта, О. Абдулова — и воспитанников следующих поколений. На протяжении всего творческого пути он был настойчивым, трудолюбивым собирателем талантов, сторонником студийного пути формирования театрального коллектива, основанного на идейном и художественном единстве, на «единстве без нивелировки». Он создал актерскую школу, передав своим последователям многие из принципов собственного искусства, в том числе присущий ему артистизм.

Творческое наследие Завадского продолжает жить в новых спектаклях москвовцев, оно принадлежит не только прошлому и настоящему, но и будущему, о котором он так много писал, говорил, мечтал. Для Завадского сегодняшний день искусства означал движение из вчера в завтра. Как истинно большой художник, он жил и творил, неизменно думая о грядущем. «Для коммунизма требуется наивысшее проявление жизни человеческого духа, и наша задача сегодня думать о том, каковы будут помыслы, устремления человека завтрашнего дня», — написал он в одной из своих последних статей, озаглавленной им «Я — коммунист».

А. ОБРАЗЦОВА

доктор искусствоведения.

Волшебник театра

Воспоминания о Ю. А. Завадском

левые особенности манеры Серова, Коровина. Не случайно до конца дней сохранил Завадский восторженное отношение к танцу Улановой, концертной деятельности Святослава Рихтера. А к его собственной режиссуре, ничуть не принижая ее театральные достоинства, вполне приложимы определения — поэтическая и музыкальная.

Случилось так, что Завадский — актер и режиссер — обрел сначала известность как мастер малых форм, приверженец яркой, праздничной комедийности. Кое у кого даже возникло опасение, что, выйдя из вахтанговской «Принцессы Турандот», он навсегда замкнется в узкой сфере театральных приемов. Но молодой режиссер усвоил не только форму знаменитой постановки Вахтангова, но и ее дух — немедленный, живой отклик на веления времени. Более всего ценил он в наследии своего первого учителя острое и безошибочное чувство нового. «Принцесса Турандот» Вахтангова и «Женитьба Фигаро» Станиславского были для Завадского образцами смелого, новаторского освоения нравственных, эстетических сокровищ мировой народной комедии с ее влюбленностью в жизнь, верой в человека, способностью оружием иронии, сарказма сокращать все обветшалое, ложное. Верность тем же творческим, методологическим задачам

вала неиссякаемое жизнелюбие, нравственную силу народа, истребить которые нельзя.

С годами Завадский, театральный волшебник, мастер филигранных, отточенных сценических миниатюр и острых сатирических полотен, стал постепенно все решительнее уступать первое место Завадскому — создателю драматических, трагических спектаклей, отличительные особенности которых — мудрость, глубина и простота. В эпитафю к спектаклю «Петербургские сновидения» по роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание» Юрий Александрович вынес следующие слова писателя: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком». Та же мысль может быть взята в эпитафю ко всему творчеству самого Завадского, а в конце стоит добавить: ибо хочу быть художником, достойным своего времени и народа. Всю жизнь настойчиво, увлеченно разгадывал Завадский тайны духовного существования человека, тайны судеб своих современников, памятуя неизменно, что каждая судьба человеческая — часть народной судьбы.

Две встречи — с творчеством А. Леонова и Достоевского — оказались особенно знаменательными в этом отношении. Все привлекло Завадского в «Нашествии» Леонова: метафорическая речь персонажей, их «душевные переливы», напряженность драматического конфликта, истинный, не показной пафос. «Русские всегда возвращаются» — эта реплика «паренька в шинельке» прозвучала, как общий лейтмотив постановки. Спектакль о народной трагедии и победе народа над немецким фашизмом был исполнен проникновенного лиризма, отразив самое заветное в восприятии художником военной действительности.

Своего рода «лебединой песней» режиссера (хотя и после этого у него имелись интересные постановки) стал спектакль «Петербургские сновидения». Его жанр был определен Завадским, как «трагипроорочес-